

Но потом дёргались всё меньше и меньше, постепенно смирились с мыслью, что великому человеку опусы мои не понравились, а затем и вовсе позабыли о тетрадке, приятельнице и Писателе. Училась я в выпускном классе, не о стихах надо было думать.

Лишь спустя весьма продолжительное время моя мама случайно, перебирая за какой-то надобностью подшивки газет, наткнулась в одном из изданий на знакомые строчки. Читала и глазам не верила: надо же, отзыва не дождалась, но стихи-то – вот они! Опубликованы! Это ли не успех?

Однако эйфория быстро прошла. Под моими стихами стояла чужая подпись. Нет, не Писателя, разумеется, –

это была какая-то вовсе не знакомая фамилия.

Не так уж хороши были эти подростковые стихи, чтобы их красть, но глядите-ка, понадобились кому-то! Впрочем, есть такая теория: если потеряли какую-то вещь, не горюйте, значит, она нужнее тому, кто её нашел. Интересно, к плагиату это тоже относится?..

Свою реакцию на этот случай помню смутно. Наверное, огорчилась. Скорее всего, возмутилась. Всплакнула, быть может. Но в людях, тем более, в писателях, не разочаровалась: хороших, добрых, талантливых и умных всё равно больше, чем прочих.

Теперь-то, познакомившись со многими лично, я это точно знаю...

Борис Вайнер

«Пёрышки в подушке, соловьи в листве...»

Сборник детских стихов тоже может быть судьбоносной книгой, во всяком случае – для молодого детского автора. Для меня таковой стала вышедшая ещё в советские времена в переводе Виктора Лунина на русский «Песнь сна» Уолтера Де Ла Мэра. К слову, достать её в эпоху всеобщего дефицита было непросто; свой экземпляр я, помнится, долго и упорно искал и в конце концов выменял у приятеля-книголюбца на один из томиков популярной «Библиотеки приключений и научной фантастики».

На привычную советскую поэзию строки английского поэта – как, между

прочим, и понемногу возвращавшиеся тогда в читательский оборот тексты обэриутов – были разительным образом не похожи. Если к чьим-то детским стихам и можно отнести определение «сказочные», то первым в моём коротком списке будет именно Де Ла Мэр. Его кажущиеся простыми стихотворения будто не проговорены до конца; они словно завершаются многоточиями, даже когда на самом деле там точка или восклицательный знак. Действие в них часто происходит ночью или на рубеже тьмы и света, они сумеречны и туманны – и в то же время ясны и глубоки, как безоб-

лачное вечернее небо. Они могут быть сюжетными или представлять из себя простое перечисление – но в них всегда есть движение, только не обязательно внешнее.

Вот «Пёрышки в подушке». Сплошь назывные предложения, без единого глагола – но разве этот набор сравнений не есть прогулка воображения за болевшего мальчика по дому и по всей округе?

Огурцы в кадушке,
Мысли в голове,
Пёрышки в подушке,
Соловьи в листве.

Пирог в духовке,
Караси в реке,
Сапоги в кладовке,
Деньги в кошельке.

Земляника в поле,
Дырочки в свирели,
Все ребята в школе,
Ну а я в постели.

А ещё «Пёрышки» – при достаточной серьёзности ситуации – улыбки и полны свойственным ребёнку оптимизмом. Что для Де Ла Мэра характерно: даже самые драматичные, самые печальные по центральному событию его стихи так исполнены сочувствия и так точны по интонации, что не содержат ни капельки уныния, – как «Серебряный пенни»:

«Возьми нас в плаванье, моряк!
Меня с сестричкой Дженни.
За это я тебе отдам
Монетку – звонкий пенни».

«Ну что ж! Я вас возьму с собой,
Тебя с сестричкой Дженни.
Но пусть сестричка локон свой
Отдаст мне вместо пенни!»

Они поплыли по волнам,
А ветры всё сильнее!
Взлетает пена к облакам,
Скрипят и гнутся реи!

Недолго ждать, когда вода
Над кораблём сомкнётся.
К родному берегу, назад,
Корабль уж не вернётся.

В морской пучине спит моряк,
В морской пучине – Дженни,
А в глубине, на самом дне,
Сверкает яркий пенни.

Стихотворение «Сыграем в прятки» – тоже последовательность сравнений, но уже развёрнутых и построенных не на бытовой, а на романтической лексике; не избегает здесь автор и глаголов.

– Сыграем в прятки, – сказала луна,
С неба скатившись в лес.
– Сыграем в прятки, – сказал ветерок
И за холмом исчез.

– Сыграем в прятки, – увидев звезду,
Сказали ей облака.
– Сыграем в прятки, – сказала волна
Причалу у маяка.

– Сыграем в прятки, – сказали часы, –
Тик-так, динь-динь, диги-дон!
– Сыграем в прятки, – сказал я себе
И погрузился в сон.

Помимо тонкого, словно от маленькой музыкальной пьесы, впечатления юные читатели извлекают из ряда незамысловатых на первый взгляд метафор ещё и урок логики: они учатся сравнивать, уподоблять одно другому, находить для разных вещей общий образный знаменатель, а значит – думать.

В мире поэта, под светом его волшебного фонаря, водится множество и собственно чудес: загадочных превращений, таинственных существ, предметов, пейзажей, приключений; но есть и просто стихи о забавных происшествиях, описанных, что называется, с чисто британским юмором.

Ночной порой в глуши лесной
Медведь к дуплу пробрался
И сладкий мёд из липких сот
Уже достать собрался,

Но задрожал и зажужжал
Пчелиный рой от гнева.
– Воруго вон! – взлетев на трон,
Вскричала королева.

Медведь в затылке почесал
И молвил без укора:
– Ну кто бы мог предположить,
Что я похож на вора?

Добродушных мишек в весёлых сюжетах не раз изображала и российская детская поэзия. Однако при общем сходстве характеров наш герой и в частности его речь всегда соответствовали

нашей собственной литературной традиции: «Уронила белка шишку / Шишка стукнула зайчишку / Тот помчался наутёк / Чуть не сбил медведя с ног / Под корнями старой ели / Рассуждал медведь полдня / Что-то зайцы осмелели / Нападают на меня!» (В. Шульжик). А речевая формула английского медведя, как и положено, подчеркнута бонтоном: «Ну кто бы мог предположить?»

И ещё одно важное ощущение применительно к детской поэзии Де Ла Мэра я, не умея пока сформулировать, испытал тогда сразу: это были Стихи Навсегда, огромный, бездонный поэтический космос. А он, космос, вечен – как бы ни менялось положение звёзд и планет.

- Гроздь винограда, – сказала Сюзи.
- Персик, – сказала Элен.
- А мне бы печенья да ложку варенья, –
Со вздохом сказала Джен.
- Анютины глазки, – сказала Сюзи.
- Пионы, – сказала Элен.
- А мне бы в кармашек букетик ромашек, –
Со вздохом сказала Джен.

- Огромные крылья, – сказала Сюзи.
- Корабль, – сказала Элен.
- А мне бы без спешки поездить
в тележке, –
Со вздохом сказала Джен.

Разговор трёх девочек простодушен и очевидно далёк от прямых педагогических целей. Но хорошему отношению к тому, кто на тебя непохож, он всегда будет учить лучше, чем сотни томов назидательной публицистики.

Остаётся добавить, что в минувшем году волею случая – мы оба оказались в жюри детской литературной премии «Глаголица» – мне повезло лично познакомиться с Виктором Луниным, переводчиком «Песни сна». Разумеется, мы заговорили о стихах Де Ла Мэра (тем более что на три из них я написал музыку; песни, к слову сказать, переводчику понравились). «И каков Де Ла Мэр для перевода?» – спросил я. – «Сложный», – ответил Лунин, слегка улыбнувшись. И, кажется, даже вздохнув, – почти как Джен из «Грозди винограда».

